

КРОКОДИЛ

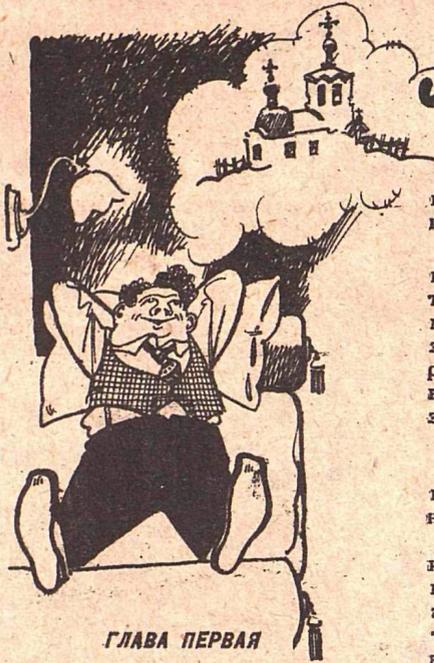
ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СССР

Л. Горн

— Не беспокойтесь, камрад переводчик, нам все понятно без слов.

Мечты и действительность

Г. РЫКЛИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ЭТУ МИНУТУ мы застаем писателя Валерия Крутогорского за сладостными размышлениями.

Писатель Валерий Крутогорский с энтузиазмом лежит на диване, вдохновенно взирает на потолок, талантливо курит папиросу и самым гениальным образом погружен в бурные и пенные волны фантазии.

— Так и быть... Так и сделаю... Надоед мне этот большой город со своим шумом и трескотней. Хочу, чтоб моя вдохновенная душа сгустила хладный сон. Хочу отдохнуть от докладов, дискуссий, критики, от призыва ударников в литературу. Забраться бы куда-нибудь подальше от диалектического материализма. Найти бы какой-нибудь тихий, медвежий уголок, где нет фабричных гудков, где земля и небо застланы коврами тишины, где не гуляют буйные ветры, созвучные реконструктивному периоду...

Писатель Валерий Крутогорский глубокомысленно перевернулся на другой бок и вновь окунулся давно нечесанной головой в теплые воды мечтаний.

— Поеду на свои родные места. В тот счастливый городишко, в котором около сорока лет назад случилось великое событие: родился я — писатель Валерий Крутогорский. Мой дорогой, славный и забываемый Крутогорск! Давненько не была я там... Лет двенадцать. Какое благодатное место! Кривые, в дрему погруженные улочки... Посреди улочки тихие, древние русские колодцы... Базарная площадь, где, точно кибитки, стоят такие маленькие, симпатичные лавчонки. А вот старенькая, убогонькая пожарная каланча! И бродит вокруг каланчи, пощипывая пыльную травку, бородастый козел, седой и важный, точно патриарх. А рядом на пригорке — спокойная, как идиллия, церковка имени сорока мучеников. И сладостный звон колоколов! Ах, родной Крутогорск! Ах, мать моя родная! «Ты жива еще, моя старушка? Мой привет тебе, привет!» Какое в доме благолепие: кивот, иконы, лампадки...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Писатель Валерий Крутогорский сидит в вагоне. Он едет в Крутогорск. Ну, конечно, как водится, —

колеса стучат. И, как водится, под шум колес писатель размышляет:

— Отдохну... И обязательно напишу повесть. Повесть — «Нетронутая тишина». Опишу со свойственным мне талантом мягкий покой здала заброшенной провинции. Конечно, ругать будут. Обзовут еще раз правым, а может быть, еще похуже. Но зато какая повесть будет, какой...

— Какой свежий материал!

Последнюю фразу писатель пронес уже, стоя с чемоданом в руке, на перроне станции «Крутогорск».

— Да. Вокзал выглядит совсем по-иному. Тот был ветхий, старенький, прекрасен своей обупленностью. А этот — совсем новый. Так! Да и суеты здесь больше, чем раньше. Но это не страшно. Ведь вокзал находится в трех километрах от города. Только вот вопрос, — найдется ли подвода?

Писатель Крутогорский прошел через вокзал. Вышел на улицу. И тотчас же изумился. Ведь город находится в трех километрах? Ведь здесь полагается быть полю с оврагами, с кустарниками, с чертополохом?

Где же родной чертополох? Где милое поле? Ничего этого нет. Дом. Дом. Дом. Широкая улица. Город у самого вокзала. Что за чудо!

— Гражданин! Простите за беспокойство. Это что за город?

— Крутогорск.

— Какой Крутогорск? Который был основан в царствование Петра великого?

— Про Петра ничего вам не скажу. Был он великий или малелький, — не знаю. А только это — Крутогорск.

— Ага! А скажите, простите за беспокойство, давно это вокзал придвинул к городу?

— А зачем его тревожить? Разве вокзал — движимое имущество? Как стоял, так, сердешный, и стоит на месте.

— Но ведь тут, простите за беспокойство, находились поле, кусты, чертополох?

— Ликвидировали. Все застроили. Был город в трех километрах а теперь подошел он прямо к станции.

— Так... Так... Очень вам благодарен. А не знаете ли вы, простите за беспокойство, как отсюда пройти на Мефодиевскую улицу?

— Как сказали, Мефодиевская? Такой улицы у нас не наблюдается.

— Как же это так? Тихая, спокойная улочка. Там, где когда-то жил купец Абросимов, недалеко от бани.

— Знаю. Никакая Мефодиевская, а Колхозная улица. Только никакая она теперь не тихая. Там машинно-тракторная станция и тракторная школа. Весь день гудят тракторы.

— А как туда пройти? Может быть, простите за беспокойство, тут подвода есть или извозчики?

— Пройдите за угол. Там остановка автобуса. Мигом вас доведет.

С великой болью в душе, с муками, непонятными вам, дорогие читатели, сидел писатель Валерий Кру-

тогорский в крутогорском автобусе. Гибель надежды! Гибель нетронутый тишины! До чего довела родной Крутогорск! Вот мчатся, гудят и свистят, грузовики. Вот целую улицу перекраивают, перестраивают.

Матери дома не оказалось. Старушка соседка сказала, что она будет только к вечеру. Писатель Валерий Крутогорский оставил старушке чемодан и пошел бродить по Крутогорску.

Не будем жестокими. Не будем подробно описывать его мучений. Он не нашел древних колодцев, — в городе уже три года, как работает водопровод. И пожарный козел давно в бозе почил. Умерла тишина. Скончалась идиллия.

По дороге купил местную газету (господи, и газета здесь есть!) и прочел передовую о коммунальном хозяйстве. Там отмечались достижения, но много говорилось о недостатках — о плохих мостовых, о дырявых тротуарах, о грязи.

«Возьмусь и за это, — скорбно думал писатель. — Обязательно испортят весь город. Срежут последний чертополох, уничтожат все остатки поэзии!»

Он уныло побрел к церковке сорока мучеников. О, ужас! Она стояла обезглавленная. Без крестов. И вывеска — «Рабочий клуб имени пятилетки». О, ужас! На дверях — афиша. О, ужас! На афише — «Доклад о пленуме РАПП».

Куда деваться? Куда идти? Куда бежать? За город! Туда, где вековечный пустырь, где тихие овраги и молчаливые пни. Там хорошо полежать, помечтать.

— Гражданин! Простите за беспокойство, как пройти к пустырю?

— К какому пустырю?

— Да тот самый, за городом, по дороге в Волчьих ямы.

— И никакого пустыря нет. Там теперь новая кожаная фабрика.

К вечеру усталый, осунувшийся пришел писатель Валерий Крутогорский в свой родной дом, к своей родной матери.

Конечно, радостная встреча. Разумеется, объять. Давненько мать сыночка не видала. Расспросы о здоровье. То, другое. Чай, обед.

— Мама... Прости за беспокойство... А где же лампадки, иконы?

— Ишь, какой шустрый! Думаешь, вы там в большом городе умные, а мы дураки? Не отстаем, сынок, от вас молодых. С опимом покончено. А ведь я, хотя и старуха, а ударница по ликбезу. Вот как! Можешь радоваться. А ты надолго к нам?

— Нет. Завтра уезжаю. Дела, знаешь...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Писатель Валерий Крутогорский сидел в вагоне. Колеса стучали. Под шум колес писатель Валерий Крутогорский вдохновенно, с творческим подъемом ворчал...

Г. Рыклин.

П. Белянин

1. Одни педагоги пытаются сделать из своих учеников людей, которые вот так читают газету...

2. Другие делают людей, которые вот так держат инструмент...

ТТ. ЧИТАТЕЛИ!

Редация „Крокодила“ сообщает, что с нового года в виду большого роста числа подписчиков журнал будет распространяться в розницу в весьма ограниченном количестве и только после удовлетворения всех подписчиков.

3. А нам нужны вот такие новые кадры!

КРОКОДИЛ с еврагами строг,—
Не уйдешь от вилы в бок,
И на суше и в воде,
Здесь и там, всегда, везде —
На земле и в облаках —
Вилы колются в бока,

а все потому, что „Крокодил“
выходит в пяти изданиях.

В ПОЛЬЗУ ЭСТОНСКОЙ ТЕТИ

ОБЫЧНЫЙ, средней руки аукцион, на котором желчный и тихий представитель финансового ведомства торгует бренными останками мелкого недоимщика, — зрелище довольно унылое.

Хитрый недоимщик давно уже распродал и рассовал по знакомым хорошие, стоящие вещи, а сам уехал в Елабугу. В его квартире живет странное существо, среднего пола, в черномонашеском платке и рыжих бреднях со штрипками. К распродаже останков существо относится с оскорбительным равнодушием. К тому же ликвидный фонд нерасторопного представителя финансового ведомства весьма скуден: клетка с пожилым попугаем, два прихрамывающих стула, протекающий тазик и картина «Русалка» в золоченой раме.

— Продается попугай, — вяло сообщает представитель финансового ведомства. — Почти новый. Говорит «дурак» и другие бранные слова. Цена — два тридцать — раз, два тридцать — два, два тридцать...

— Два тридцать пять, — икающим голосом неожиданно для самого себя говорит усатый гражданин с зонтиком.

Попугай ему не нужен. Выкрикнул он свою цифру из жадности и аукционной страсти. Но «слово — не воробей», а охотников на попугая больше нет. Ошалело берет гражданин с зонтиком клетку с попугаем и молча, страдальческой походкой, идет к выходу.

— Ду-рак, — раздельно произносит благоприобретенная птица.

Да, веселого мало на таких аукционах.

То ли дело большой, хорошо поставленный и подготовленный аукцион. Например, такой, на котором сошлись представители Краснодарского здравотдела и управления строительством районной электростанции второй очереди (КРЭС). Предметом торга был дом, принадлежащий какому-то эстонскому гражданину. Интересы эстонского гражданина представляла его тетя, злая недомышлица. За недомки тетю «описали», и дом попал на торги.

Торг начался с 4.500 рублей, т.е. с суммы недоимки. Представители «торгующихся организаций» за 20 минут догнали цену до 10.000 рублей. Стало жарко. Представитель финансового ведомства, отложив молоток, отер пот со лба жестом арбитра. Противники смотрели друг на друга мутными ненавидящими глазами. И лишь эстонская тетя блаженно улыбалась, мысленно подсчитывая неожиданные барыши. Ведь государству отойдет только 4.500 рублей — сумма недоимки, остальное эстонская тетя вот-вот и положит в свой домовитый револьверский редикюль.

После минутной передышки битва возобновилась с новой силой. Коммерческие страсти, которых хватало бы на целый табор лошадиных барышников, бушевали в груди представителя КРЭС Ганкина. Представитель здравотдела тоже не сдавался. Советские тысячи летели, как подсолнухи. Когда цена была поднята до 20.000 рублей, представитель КРЭС, поручив своему помощнику продолжать сражение, взвизгивая, бросился к телефону.

— КРЭС? Директор? — шипел он в трубку, отдуваясь и дрожа. — Слушайте сюда! Догнали до 20.000. Не сдастся, гад! Дозвольте мне его тыщенко на восемь сразу шархнуть. Идиот? Кто идиот?..

Тут к представителю подбежал мальчишка, вестник с поля битвы. Приняв рапорт, представитель победил и снова вцепился в трубку.

— КРЭС? Директор? — шептал он зловеще. — Слушайте сюда. Уже догнали до 24.000. Дозвольте, я его шархну. Враз уложим!

Трубка ругательски запищала.

В экстренном порядке на место происшествия прибыла скорая помощь из РКИ. Сцепившихся представителей «торгующихся организаций» кое-как развели и разогнали по местам...

Китайский генерал Ма получил снаряды от японского военного командования, которое такой провокацией пыталось оправдать продолжение своих войн в Маньчжурию.

К. Ротов

ГЕНЕРАЛ МА: — Если сегодня японцы не пришлют мне снарядов, то чем я завтра буду в них стрелять?!

ГАМЛЕТ ГАМЛЕТЫЧ ИВАНОВ

В аппарате Умля на 273 адм. и оперативных работников приходится 329 человек технического персонала (153%)

В Козлинский.

РАЗМЫШЛЯТЬ привыкнув
с детства,

Я подростком нежным рос,
От родителей в наследство
Получив один вопрос:

— Быть или не быть?

В революции, как Гамлет,
Я метался без конца,
Ожидая, что промялит
Мне из гроба тень отца:

— Быть или не быть?

Шли бои на красном фронте, —
Я в тылу пайками жил
И шептал: — Меня не тронь-
те, —

Я покуда не решил:

— Быть или не быть?

Жизнь кипела, жизнь кричала:
— Кто не с нами — против
нас!

Я молчал, решив сначала
Обсудить в последний раз:

— Быть или не быть?

Годы шли. Линяли краски, —
Я сменил и стиль и речь
И от гамлетовской маски
Лишь одно сумел сберечь:

— Быть или не быть?

Но попрежнему страданье
Движет чашками весов...
Нынче общее собрание
После службы, в пять часов...

— Быть или не быть?

Вас. Лебедев-Кумач.

— Что это: 153% выполнения плана?..

— Не столько плана, сколько штатов...

ВОПРОСЫ ПО ПЕРВОПУТКУ

(Снежное интервью)

— Снег? Снег превращает землю в огромный письменный стол, покрытый белым сукном, под которым очень удобно прятать все неполадки, — скавал управдел Салавкин.

★

Заведующий кооперативом деревни Бултыха к снегу отнесся недоброжелательно.

— Снег — это не более не менее как препятствие на путях социалистического развития кооперации. Возишь, возишь товары на колесах, и вдруг — сани доставай. А ежели они не запасены?..

★

Ответственный за невыполнение уборочной кампании товарищ высказался с научным уклоном.

— Влияние снега на будущий урожай благотворно. Но не менее благотворно действует он и на остаток урожая

этого года, не вывезенный во-время с поля: засыпано — и с плеч долой!..

★

Герой самотека о снеге отговался весьма благосклонно:

— Люблю снежок. Кинешь этакий махонький катышок с горы, а он покатится и все растет и растет. Во-какой ком станет! И все растет и растет... — Закончить свое мнение он не успел, так как был срочно снят с должности...

★

— Снег нужен докладчику не меньше, чем вода, — скавал присяжный профсоюзный оратор. — Вода подмачивает факты. А доклад со снежком незаметно засыпает все прорывы, прорехи и неувязки...

М. К.

Цена почета

Рис. К. Ротова

МИСТЕР Сидней Келлер — уважаемый член многочисленных благотворительных обществ города Нью-Йорка. В клубе знатоков верховой езды Сидней Келлер — вице-председатель, в обществе защиты бедных невест он числится первым щедрым покровителем; он — непременный член общества географов, химиков, ботаников и почетный председатель общества штрейкбрехеров.

Никто не скажет, как мистер Келлер всплыл на общественную поверхность, но каждое вновь рожденное общество считало своим долгом украсить список своих членов именем Келлера.

Во время избирательной кампании имя Келлера становится раздором двух партий. Демократическая партия (Келлер аккуратно ежемесячно высылает денежный чек) считает, что он должен баллотироваться по ее списку, республиканская партия (и сюда исправно посылается денежный чек) настаивает на включение его кандидатуры в свой список.

— Сэр, — говорит секретарь, — в каком списке нынешней выборной кампании вы желали бы видеть свое имя?

— Нельзя дважды фигурировать в одном списке, это не политично, — говорит Келлер. Надо показать нашему народу, что я не застываю на одном месте, я двигаюсь вперед, я ишу новых путей, я думаю о благе для бедных и несчастных. Ныне я придерживаюсь социалистического образа мышления. Потрудитесь поместить в наших газетах соответствующее интервью и выпишите моей новой партии достойный чек.

— Олл райт, сэр! — низко наклонив голову, — говорит секретарь.

— Помните, мой милый мальчик, дипломатия и хороший тон есть атрибут не только министерства иностранных дел. Отныне вы тоже со-ци-а-лист. А оба мы — дипло-маты.

— Олл райт, сэр!

На званых обедах Келлеру всегда отводится почетное место, и каждый из присутствующих старается во всем подражать ему. Стоит только Келлеру раскрыть рот, и изысканное общество в смокингах уже в восторге от еще произнесенных острот и шуток.

Многочисленные телеграфные агентства чрезвычайно заинтересованы личностью Келлера.

Впрочем, агентства только выполняют социальный заказ. Сорок восемь штатов, семьдесят пять миллионов жителей Америки желают знать, как проводит свое время мистер Келлер.

Поэтому у дверей мистера Келлера всегда дежурят репортеры и фотографы.

Однажды мистер Сидней Келлер был необычайно шокирован. Он пять минут нажимал кнопку электрического звонка, и никто не приходил на его зов.

— Моя прислуга избалована, я слишком мягко с ней обращаюсь,

надо будет всю домашнюю прислугу сменить.

Так как на звонок никто не явился, мистер Келлер решил вызвать машину.

— Алло! Станция? Морнингсайд*), шесть, нуль, три!.. Алло? Станция? Повторите звонок, к телефону никто не подходит. Что? Никого нет в гараже. Где мой шофер? Вы обязаны знать, где моя прислуга, с вами говорит мистер Келлер. Для вас не важно, кто с вами разговаривает?! Олл райт!

Трубка полетела на стол.

— В моем доме свил себе гнездо большевизм. Как это я давно не заметил?!

— Алло! Станция? Дайте мне первую частную контуру по тайному сыску. Контора? Из моего дома бежала вся прислуга, все ценности в целости. Что я подозреваю? Это, несомненно, агенты Москвы проникли в мой дом и в мой гараж. С какой целью? С целью... с целью доставить мне неприятности... и прочее... Как моя фамилия? Ведь это я... Келлер. Что? Вам все понятно? Я никогда не сомневался в талантливости ваших помощников, вы уже, наверное, напали на след? Что? Вы не беретесь за это дело? Чек вышло сегодня. Что? Отказываетесь? При чем тут утренние газеты?! Алло!.. Алло!..

Контора по тайному сыску прекратила разговор.

— Ничего не понимаю. Лапа Москвы, мне думается, уже простирается на частную контуру по сыску. Надо будет обратить внимание прокурора на подозрительное поведение конторы по тайному сыску

И с этой мыслью мистер Келлер вышел из дому.

Первый человек, который встретился ему, был постовой полисмен, вооруженный дубинкой из красного дерева.

— Не понятно, почему полисмен не кланяется, — недоумевал Келлер. Сегодня же поеду к шефу полиции, потребую немедленно убрать с поста этого непочетительного анархиста. Америка — для американцев, а он, мне кажется, ирландец.

В кондитерской, куда мистер Келлер зашел заказать лакомства, владелец заявил, что товар может быть ему отпущен только за наличный расчет.

Я уверен, что Нью-Йорк во власти большевиков, — решил мистер Келлер.

С пустыми руками, без сладостей, мистер Келлер отправился к своей любимой женщине, мисс Флоренс.

Негритянку, открывшую дверь, он попросил доложить о себе.

— Мисс Флоренс распорядилась вас больше не принимать.

— Что? Вы ошиблись, моя милая. Мисс Флоренс не может меня не принять. Сообщите ей, что мистер Келлер, как верный и храбрый солдат, стоит у порога ее дома, а чек будет завтра по почте ей прислан.

Негритянка удалилась и через две минуты сообщила удивленному мистру Келлеру:

— Мисс Флоренс просит передать вам, чтобы вы больше ее не беспокоили, все объяснения вы найдете в утренних выпусках сегодняшних газет.

На углу, в газетном киоске, член многочисленных благотворительных обществ города Нью-Йорка узнал, что Национальный банк, где хранилось все его богатство, объявил себя банкротом.

Назавтра у порога дома мистера Келлера впервые не оказалось репортетов и фотографов.

Директора благотворительных обществ, где мистер Келлер числится почетным членом, сняли со стен его портреты в золотой раме.

У дома мистера Келлера толпились владельцы всевозможных предприятий, которые явились к нему с опротестованными в банке чеками.

— Убийца! — орал по адресу Келлера поставщик мяса. — Три месяца я присылал ему лучшее мясо из моей фермы.

— Вор! — кричал возчик молока и сливок.

— Кровопийца! — он злоупотреблял моим доверием.

Все выпуски вечерних газет печатали обилие статей, в которых подвергали сомнению американское происхождение и вскрывали тайную причину благотворительности мистера Келлера.

Мистер Келлер потерял редкий товар — почет. В районе Волл-стрит*) этот товар очень высоко котируется. Почет обошелся мистру Келлеру в шестьдесят миллионов долларов.

Дорогой товар!

Д. Кунин.

*) Район телефонной подстанции.

*) Улица нью-йоркских бирж.

(Факты. Встречи. Разговоры.)

Вагон был для некурящих, но проводник курящий, поэтому все курили.

На рассвете поезд долго стоял в украинской степи.

— Что случилось? — спросили мы вошедшего с площадки человека.

— А кто ж его знает... чи человека чи корову зарезало.

На станции Александровск красовался плакат:

«Чистка аппарата — дело рук самих трудящихся».

Два железнодорожника разговаривали на полках вагона.

— Паровоз — сунин сын.

— А люди?

— Что ж люди... люди, нан люди!

Пожилой гражданин купил в дороге ведро яиц, а на месте, в Москве, выяснилось, что яйца здесь не дороже, а даже дешевле. Вот убивался человек.

— Откуда изволите ехать? — спросил меня сидевший напротив пассажир в пиджаке и сапогах.

— Из Магнитогорска!

— Из Магнитогорска? Слышал, слышал, как же. Говорят, там масло дешевле!..

Из одесских объявлений

«14 сего месяца в 7 часов вечера в клубе Р. Люксембург будет объявлено персональные выводы сотрудников ЦРК, проходившие чистку».

На Сухаревке, в Москве, стоял молодой человек, торговал махоркой. А руки — здоровые, крепкие, нужные стланку руки, — он спрятал глубоко в карманы.

На площади в Конотопе поставили нарядный памятник Ильичу, и вокруг памятника осталась болотная топь. И конотопцы увязали в ней по самые ушки сапог. И это тоже было памятником.

Весь потный миллионер в Твери укорял пьяницу, который валился с ног и в то же время выбивался из рук:

— Гражданин, ваше сопротивление принуждает меня к физическому труду.

НАШЕЛ ВЫХОД

Инспекцией цен обнаружен ряд случаев, когда замами, вместо снижения цен, переводят товары в другой сорт.

Л. Генз

ДОМОРОЩЕННЫЕ ВЕСТИНГАУЗЫ

Поезд мчитя. Колеса стучат.

Вдруг — нежданная проволочка. Остановка. Нажат рычаг.

И немоют вагоны. Точка.

Паровоз мягко щурит глаза,

Весь состав улыбается глянцево, —

Так работают тормоза

Вестингауза или Казанцева.

Но бывает, — пасется в степях,

Точно стадо, стальная конница.

Паровоз стоит на путях

И неделю с места не тронется.

Он немет, не взяв подем,

Как бы топки углем ни пичкали..

Этот тормоз мы все зовем

Паровозною обезличкою.

Бюрократу не писан закон,

И творцами прорыва и кляузы

Восседают за мирным чайком

Доморощенные «Вестингаузы».

Их попробуй — расшевели:

Что им лишний час разбазарен-

ный?

Не они ли изобрели

Обезличку и срывы спаренной!

И покуда не сметены

Их рогатки, всюду стоящие,

Нам нужны тормоза, нужны...

Не такие, а настоящие.

Г. Шебуев.

СНИЗИТЬ ЦЕНЫ..

ПОЖАЛУЙСТА!..

О доме колхозника в Серпухове говорили, что он весь пропах навозом и обезличкой.

Из параграфа № 2 памятки для жильцов гостиницы в Свердловске:

«Крупный разговор в номере после 12 часов воспрещается».

В Бердянске собана, перебежавшая улицу, собралась было залаять на привезенного, но раздумала, вытянулась и зевнула, ляснув зубами. Темпы города заразили даже животное.

В столовой луганского Церабкоопа один кричал на другого у кассы:

— Что ж ты ругаешься, некультурный человек. Шляпу одел, чорт ряванский!

«Делу время, а на обед три часа», — услышала я новую поговорку в той же столовой.

— Шумные у меня соседи, — печалился обитатель барака в Магнитогорске, — до петухов разговаривают. Я к ним с возражением: «спать не даете!» — а они:

— На своих койках шумим!

Вечерком зашел к нам, должно быть, нечаянно профработник. Мнетя, — надо же поговорить с массажи в бараке.

— Ну, как у вас тут товарищи, с культуротой?

— Да ничего, — говорим, — спасибо. Вот чай пьем!

На маленькой станции Еропкино, где полвека брэнчал на гитаре тоснущий телеграфист да хранилась под замком жалобная книга, я увидел большой ящик для заметок в стенную газету.

Да, тракторы не только на полях!

Извлек из записной книжки Л. Митницкий.

ПОШЕЛ ЗА ИНСТРУМЕНТОМ

Далеко «инструментальный», Не страшась дороги дальней, Заявив: — Вернусь моментом! Пров пошел за инструментом.

Завернул к себе в курилку, Сторожихе бросил «милку», Назвал Ваську «элементом»... Пров пошел за инструментом.

Для племянника Петруши, Захватил в ларьке две груши, Стал у «стенки» монументом... Пров пошел за инструментом.

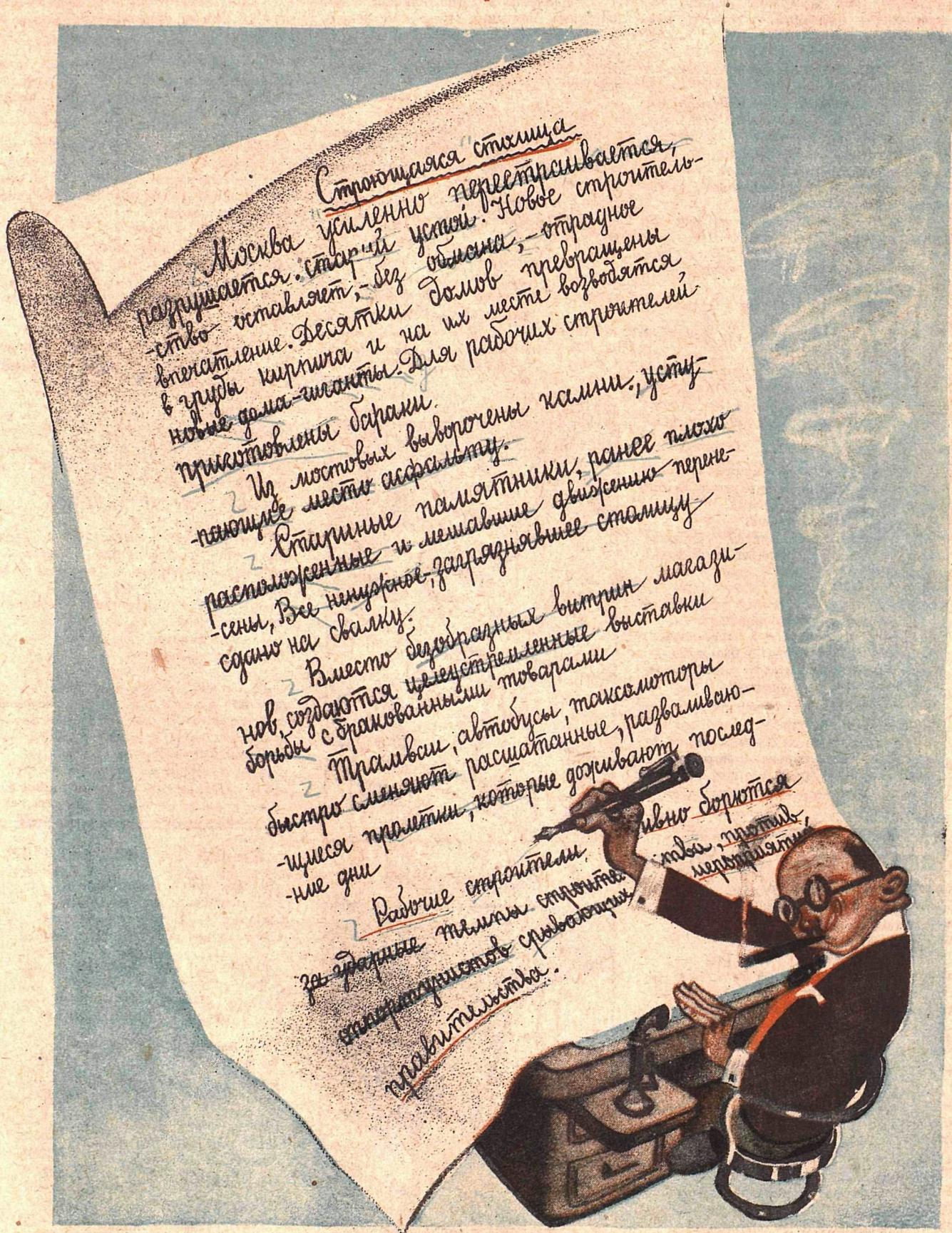
Повстречался слесарь Дема: — Скоро выборы завкома. Выступаю оппонентом... Пров пошел за инструментом.

По пути зашел в столовку. Взял гусиную головку С овощным ассортиментом... Пров пошел за инструментом.

Онемел станок в простое. А ведь дело-то простое: Заявив: — Вернусь моментом! Пров пошел за инструментом.

М. Андриевская.

М. Храповский

РЕДАКТОР ЗАВЕДЕНИЯ „ФОРВЕРТС“: — Я ничего не добавил к корреспонденции из Москвы.. Я ее только слегка подсократил...

ВЕРБЛЮД И ЧЕРЕПАХА

(Почти сказочка)

ОНИ ПОДОШЛИ, медленно передвигая ноги, чуть скользя по тропинке. Верблюд и черепаха. Бедные Обломовы животного мира. Подошли и остановились. Это было в Зоологическом саду.

— Мы... — грустно начал верблюд.

— Возмущены, — продолжала черепаха.

— Нас окончательно... — подхватил верблюд.

— Опозорили. Больше того... — продолжала черепаха.

— Нас уничтожили, — бедный верблюд поник головой. — Мы не существуем, как живые существа.

Черепаха вытянула голову.

— Мы стали орденами, знаменами, плакатами...

— Темпами, символами, бранью...

— Мы возражаем! — в один голос воскликнули и верблюд и черепаха.

— Меня выставляли на посмешище на виду у завода, — волновалась черепаха.

— А меня Безыменский пытал много недель подряд, пока окончательно не опозорил. Он разговаривал со мной на самые ужасные темы тогда, когда я совсем не хотел говорить с ним, ибо не чувствовал ответственности за дела, которые он мне приписывал.

— Меня дарили самым скверным рабочим, — продолжала волноваться черепаха.

— А я шествовал во главе колонн прогульщиков, пьяниц и лодырей...

— Мною ругают, мною унижают...

— А я — самое большое оскорбление во всем Союзе.

— Довольно! Мы больше не хотим терпеть! Мы не хотим быть символами! Оскорблением! Позором!

— Чего же вы хотите?

— Мы... — прошипела черепаха.

— Вступаем с ней в соревнование! — пробасил верблюд.

— Мы обязуемся ускорить наши темпы.

— А если мы этого не выполним, то пусть тогда нам преподнесут знамя прогульщика, лодыря, рвача. Это знамя — самое позорное!

А. Лейбман.

А. Топиков

СРЕДИ „БЫВШИХ“

— Не понимаю как вы, Порфирии Семеныч, выносите службу в ихней кооперации?

— Да, как видите, понемногу ПЕРЕНОШУ...

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ

ОНИ безумно любили друг друга. Вдыхали, тосковали, страдали.

Вечерами, по четным числам, он приходил под ее окно и пел ей трогательные серенады под аккомпанемент гитары, балалайки или гармошки.

«Я вас люблю, люблю безумно»...

Ответа нет. Молчание.

«Расскажите вы ей, цветы мои»...

Молчание.

«Приди, приди, желанный друг»...

Гробовое молчание и загробная тишина.

«Пожалей же меня, дорогая»...

Но злая фея сделала так, что

окна были закрыты и шторы опущены. Его голос не доходил до слуха любимой...

II

Каждый нечетный вечер она приходила под его окно и пела ему серенады.

На цитре:

«Жажду свиданья, жажду лобзанья»...

На мандолине:

«О, если б ты сюда вернулся снова»...

На арфе:

«Я вам пишу, чего же боле»...

Даже на примусе:

«Ночью и днем только о нем»...

Но злая фея сделала так, что окна были закрыты и шторы опущены. Звук ее нежных песен не долетал до слуха любимого.

III

Что ж это за дикий кошмар?

И кто эта бедная пара?

Его звали — «Товар».

Ее звали — «Тара».

Кто ж эта фея противная,

Что вьет свои злобные чары?

Причина вполне объективная —

Любимый конек Союзтары.

Ольсен.

ГОРОД БЕЗ ПЛАНА

МАГНИТОГОРСКОМУ жил-строю американские темпы ничем. В Америке, скажем, небоскребы средних размеров могут разобрать и перевести в течение 24 часов, а в Магнитогорске бывают случаи, когда 3-этажные дома «срезают находу» — в два счета...

Горняки, например, стараясь изо всех сил, своими силами и средствами построили себе клуб. Полюбовались горняки на свое сокровище при луне и решили наутро устроить новоселье.

С зарей пришли горняцкие культударники, но клуба не нашли. Нет клуба — и точка! Стоит на его месте барак и на нем надпись: «Барак рабочих кранного хозяйства. С подлинным верно — коммунотдел».

Как выяснилось, коммунотдельцы воспользовались моментом, когда луна зашла за тучку, и «срубили» горняцкий клуб.

Барак, конечно, — строение маломощное. Но в соцгороде показаны чудеса техники похлеще: там транспортники в 24 секунды «свезли» 3-этажный дом у рабочих механического цеха. Учтя этот печальный опыт, кандидаты на жиляцкую в соцгороде за целую декаду до в'езда выставляют у дома сторожевые охранения.

Вообще соцгород производит впечатление зоны, в которой объявлена условная воздушная атака; это впечатление создается энергичной деятельностью пожарных, сопровождающих при помощи брандспойта пленников с горящими примусами. Борцы с огнем по своему правы: они освобождают от преждевременно вселенных жильцов помещения, не оборудованные противопожарными средствами...

Батальные сцены соцгорода целиком не укладываются в прозу, они требуют огнедышащего ямба:

Трубой сигнальной воздух вспорот,

В момент прицелился брандспойт,

И солнце, озарив соцгород,

С усмешкой освещает бой!..

Производя вселенца «выем»,

Пожарный цех в бою удал.

Такие темпы «боевые»

Жилстрой в Магнитогорске дал!..

В результате этих темпов к концу 1931 года за все время в соцгороде произведена кладка 20 домов, а заселено всего девять.

Не то, чтобы средств нехватало на строительство: в деньгах недостатка нет. Наоборот, в сметном отношении соцгороду страшно везет: у

него на 1932 г. целых три сметы: Нельзя сказать, что о соцгороде забыл Магнитострой или его контрагенты... Ничего подобного: о соцгороде вспоминают на разных участках по десять раз в день:

— Чего? Плотников нехватает? Снять с соцгорода!

— Слесарей? Пустяки. В два счета затребовать из соцгорода!..

— Кирпичиков? А соцгород на что, батенька? Разберем какую-нибудь стенку и доставим!..

— Тесу? В соцгороде!.. Пожа.. Пожа..

— Чего изволите? В момент из соцгорода разбудем!..

Строительный материал для соцгорода такая же редкость, как мандарины на северном полюсе.

И несмотря на все эти обстоятельства, соцгород нельзя даже упрекнуть в невыполнении плана. По очень простой причине: до сих пор у соцгорода и плана-то нет!

В довершение этой картины снова выплывают туманные очертания берега, того самого берега, на котором решили, наконец, после 2-летней дискуссии строить соцгород...

Теперь червь сомнения стал грызть сердца некоторых архитекторов. И они, за неимением на площадке растительности, вырывают остатки волос из своих лысин и гадают.

— Левый...

— Не левый...

— Левый...

— Не левый...

— К сердцу прижмет...

— К чорту пошлет!..

И то верно: кой-кого здесь прижать надо, а может, и послать, чтобы на досуге подумать о месторасположении и прочих перспективах соцгорода...

А пока что ближайшее будущее соцгорода навеивает следующие melancholicкие строфы:

Расплавчат, как ранний туман,

Начерченный контур соцгорода:

Как видно, строительный план

«До ста» долетится не скоро там!

Застыла недвижно река

В тисках молодца белоснежного...

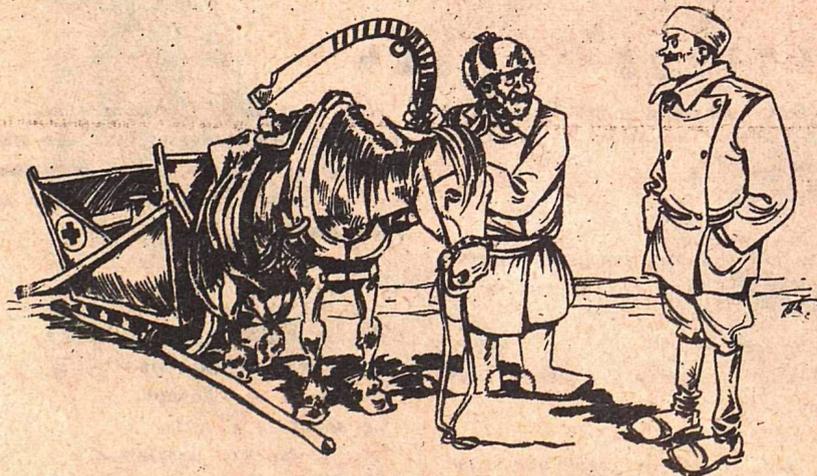
Но тихо плывут берега

Соцгорода снова безбрежного!

В. Гранов.

В Магнитогорске наблюдается наплевательское отношение к нуждам здравоохранения. В здравотделе имеется всего одна карета скорой помощи; лошадь для заведующего, который должен раз'езжать по участкам, присылают раз в 5 дней.

П. Белянин

КУЧЕР: — Этого одра, товарищ заведующий, пора бы на живодерню отправить...

ЗАВ. КОННЫМ ДВОРОМ: — Ну, что ты, — этот конь еще посылит: мы его специально для здравотдела держим!

О ВРЕДЕ МНОГОСЛОВИЯ

(Анализ документов и речей)

I. КРАТКИЙ ОТЧЕТ,

представленный вербовщиком Степаном Охмуренко после поездки в село.

«ТЕЛЕГРАММА: Магнитострой отдел рабсилы.

Вербовка прошла ять эпт посылаю отчет эпт выезжаю народом тчк Охмуренко».

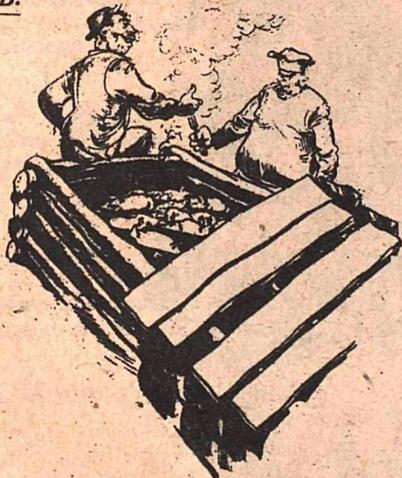
Дорогие товарищи, я, Охмуренко, явившись, конечно, в колхоз, первым делом собрал всех граждан и рассказал им, безусловно, о международном положении, а также о нашем гиганте. Все, как один, плечо к плечу подняли руки «за». Прилагаю мою приветственную речь:

— Граждане данного района! В Магнитогорске есть гигант, но нет у этого гиганта совсем рабочей силы... Мы понастроили домов, привезли продуктов, а потом послали людей

«ФАБРИКА-КУХНЯ»

В сельхозкомбинате Магнитострой 36 поросят были размещены в полувоздушный хлев, в котором находилась известка. Пошел дождь, и получилась горячий известковый раствор, в котором сварилась еса поросята.

П. Б.

— Ну, что ж, Максимыч, теперь бы только хренку подбавить и можно на стол подавать!

за этой силой. Каждый получает фатеру, конечно, с водопроводом и всякими коммунальными оказиями. Есть у нас автомобили, но некого пока на них возить, — ждем народ. Климат у нас, я скажу, для русского человека подходящий; бывает, конечно, зима, ну, ветерок, а потом — опять весна и лето... осени у нас почитай и нету. Ученые говорят, что при нашей погоде даже одежды особенной не нужно, но мы все же припасли шубы, — может быть, кто домой захочет сездить. Жизнь у нас в общем хорошая, а работы, прямо скажу, очень мало. Да здравствует наше внутреннее положение, да здравствует этот гигант!

После этих зажигательных слов граждане схватили свои сундучики и мешки и побежали прямо на поезд... Я их вразумил и сказал, что надо подождать других, затем отправился в другое село с такой же речью.

При сем прилагаю оправдательные квитанции и 200 (двести) человек

колхозников. К сему Степан Охмуренко.

ПРИМЕЧАНИЕ: у везомых мною гр-н настроение бодрое: всю дорогу они пели пролетарско-колхозную песню — «Когда б имел золотые горы»... На каждой станции пили чай. С. О.

II. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ КОМЕНДАНТОМ ПРОЦАЛЬГИНЫМ

при входе колхозников в барак номер пять на 5-м участке.

— Граждане новые рабочие, я знаю, что вы двое суток просидели на станции в холоду в ожидании провожатого. Это, конечно, объясняется тем, что наш вокзал не отстроен и приходится под открытым небом... На строительстве вас много, а я один, — за всем не углядишь, всех дел не переделаешь. Вам, значит, придется пока пожить без топчанов и без белья... Как маленько управлюсь, — дойду до склада. Потом тут с водой у нас — маленькая авария, так что придется пока жить без кипятка. Ну, ничего, в общем привыкнете, — то ли еще на фронтах бывало... Располагайтесь, одним словом, как дома.

Примечание от редакции: речь коменданта необычайно кратка, ибо магнитогорские коменданты, либо вовсе не разговаривают либо пользуются непечатным лексиконом.

Записка, доставленная курьером в коммунально-бытовой отдел, от коменданта Процальгина:

Сообщаю, что во вверенный мне барак прибыли колхозники, кои размещены в надлежащем порядке и обеспечены всем необходимым, согласно приказа. К сему комендант Процальгин.

«ТЕЛЕГРАММА: Москва, «Крокодилу».

Силу тяжелых бытовых условий многие колхозники возвращаются домой эпт помогите воздействовать бюрократов головотяпов тчк».

ОТВЕТ «КРОКОДИЛА»:

Безобразные факты о встрече колхозников Миндагаринского района, о необеспеченности их спецодеждой, о плохом бытовом обслуживании мне известны тчк Ремонтирую вилы, высажаю Магнитострой Крокодил.

Людвик Птичкин.

П. Б.

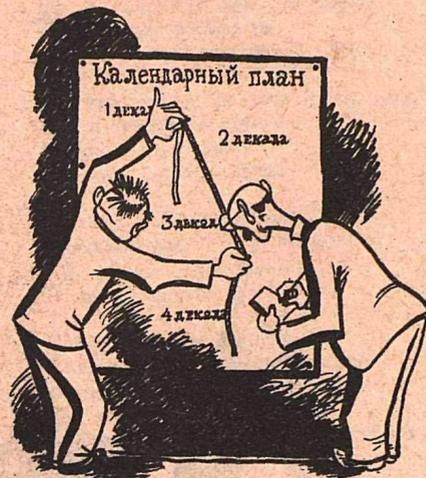
Цехомы на площадке Магнитострой занимаются установкой разных линий, но в бараках члены цехома не бывают.

Линия, о которой забыли цехомы.

Уральское отделение энергостроя по выражению одного из его представителей, в его работах на Магнитке **«ПРИМЕРЯЕТСЯ»** к возможному опозданию на отдельных участках.

Л. Г.

— Эх вы, ПРИМИРЕНЦЫ!

КОММУНАЛЬНАЯ СВАЛКА

Аппарат Магнитогорского коммунально-бытового отдела (КБТО) в большей части состоит преимущественно из людей, выгнанных со стройки за пьянство, судившихся за растраты, исключенных из партии и подвергавшихся взысканиям. Лучших кадров в КБТО не дают.

ЗА БЕСШАБАШНЫЕ попойки

Его отчислили от дел...

С веселой песенкой со стройки — Он перешел в коммунотдел!

За разгильдяйство и растраты

Он в разных допрах отсидел...

И вот, собой украсив штаты, —

Он перешел в коммунотдел!..

А тот из дома сумасшедших

Каким-то чудом — «улетел»,

Но, несмотря на странность речи, —

Он перешел в коммунотдел!..

Из деда сыплется песочек, —

От груза лет он пожелтел,

Ему бы — в гроб, но без отсрочек, —

Он перешел в коммунотдел!..

И как затумленный колодец,

Обходят все коммунотдел...

Махровый этакий «обходец»

Терпенья перешел предел!

В. Гранов.

У Р А Д О - С И Б И Р С К О Е И З Д А Н И Е

Чистейший оппортунизм — опускать руки
в борьбе за чистоту рабочих жилищ.

Ю. Ганф

ОППОРТУНИСТ: — Кто говорит, что мы опускаем руки в борьбе с клопами?..

ТОЧНЫЕ ДАННЫЕ

(Переписка из двух углов)

В управлении тям НКПС учет состояния вагонного парка по сети дорог Союза производится с большим запазданием. Сведения от статистики получаются лишь через месяц.

Управление тям. 2 августа 1930 г.

Нуждается в ремонте двенадцать вагонов.

Средне-Азиатская".

Средне-Азиатской. 8 октября.

Каком именно?

Управление тям".

10 октября.

Текущем — тридцать восемь вагонов.

Средне-Азиатская".

24 декабря.

Не путайте. Точным данным статистики двенадцать вагонов. Какой нужен ремонт, материалы?

Управление тям".

2 января 1931 года.

Нуждаются в текущем ремонте 210, конвенционном 135 вагонов. Распорядитесь снабжении запчастей, материалов.

Средне-Азиатская".

15 марта.

Возмущены недопустимой волокитой вашей стороны. Нашим последним сведениям ремонту нуждаются двенадцать вагонов.

Управление тям".

20 марта. Срочно.

Спешном ремонте нуждаются 440 вагонов. Материалов!

Средне-Азиатская".

13 июня. Срочно.

Вам объявлен строгий выговор за путаницу, волокиту. Сообщаем последние точные данные: вашей дороге двенадцать вагонов, нуждающихся в ремонте

Управление тям"

15 июня. Весьма срочно

510. Пробка!..

Средне-Азиатская".

7 сентября.

Официально — двенадцать. Не подымайте панику. За волокиту ставится на вид.

Управление тям".

Весьма срочно.

Караул.. 676.

Средне-Азиатская".

„Успокойтесь. Двенадцать.

Управление тям".

„800.

Средне-Азиатская".

„Самым последним точным данным статистики у вас нуждаются в ремонте 38 вагонов. Срочно телеграфьте, какие нужны части, материалы.

Управление тям".

„Никаких.

Средне-Азиатская".

Срочно! Почему?

Управление тям".

„Вагонов для ремонта нет. Сплавил соседней дороге.

Средне-Азиатская".

Телеграммы перехватил

Г. Шполя.

И ЕЩЕ О СПЕКУЛЯЦИИ

— Хе-хе! — сказал Иван Лукич. — Читали речь? Слышали клич?

Почище сагинета —
Рабочнички в цене-то!

Еще на-днях, еще вчера
Я содрогался до нутра.
Скуля бесхвостой шавкой
Пред будущей отставкой.

А нынче нет. А нынче — шиш.
Зря только панки ворошишь.
Хожу вперед утробой:
А ну отставь — попробуй!

Пускай я скверный счетовод, —
Но без меня погиб завод.
Бывало, раньше — тыщи ж!
А нынче врешь — не сыщешь.

Десятки служб. Десятки мест.
Да вот спросить соседний трест:

Меня единым духом
Возьмут туда главбухом.

Хотя я, может, не дорос; —
Да на меня-то, братцы, спрос.
По нашему рублю-то
Я сам теперь валюта.

Настал такой, должно быть, век:
Уж я теперь не человек,
А лира или марка...
Ей-богу! Даже жарко!

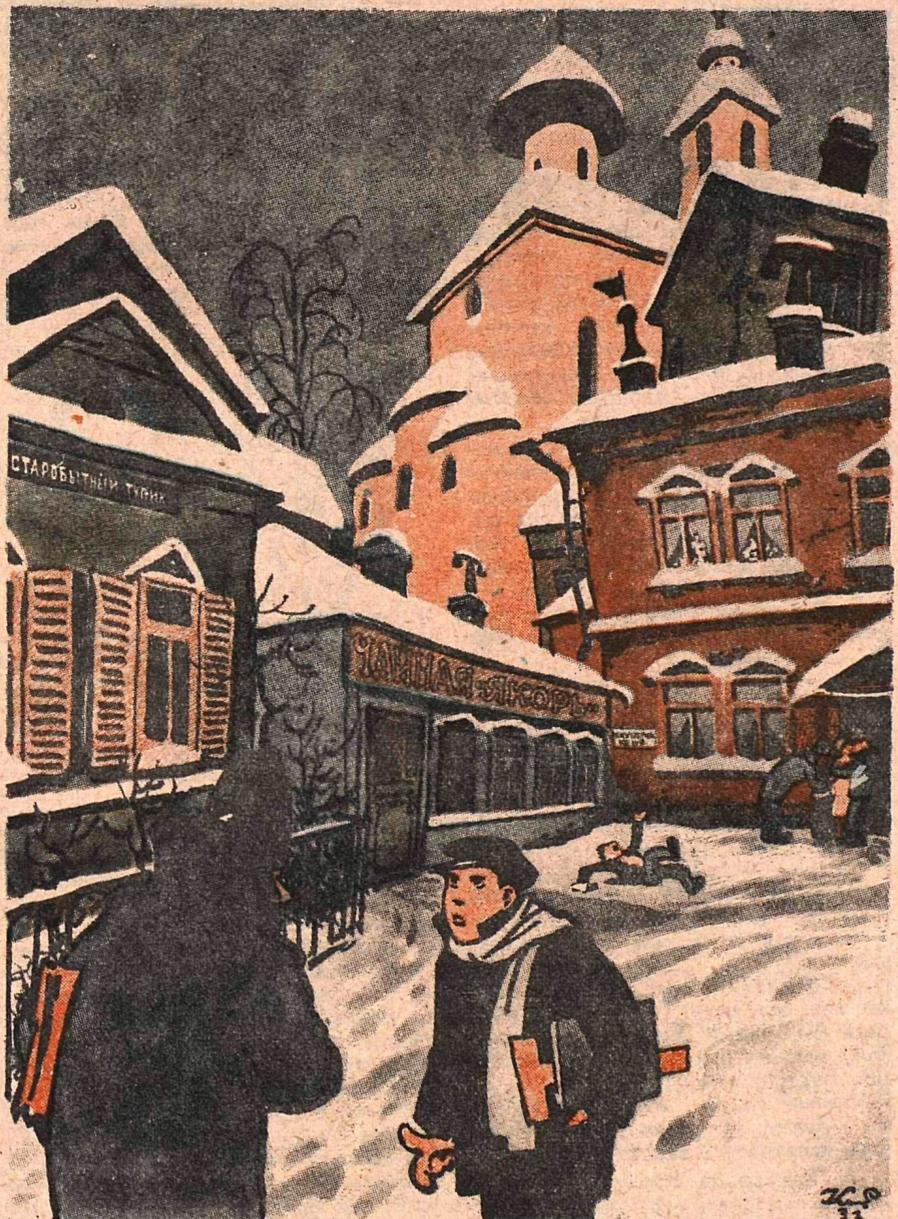
Постой. Не ври, Иван Лукич.
Слышали мы — и речь и клич.
Мы знаем цену людям —
И спора длить не будем.

Учтя творимое вокруг,
Считай себя, любезный друг,
Хоть маркою, хоть лирой, —
Но чур! Не спекулируй.

А. д'Актиль.

В СТАРОБИТНОМ ТУПИКЕ

К. Елисеев

— Скажи, дядя, как тут выйти на Коммунистическую?
ПЕДАГОГ - ОПОРТУНИСТ: — Не знаю, я сам никак
не выберусь из этого тупика...

Смесь и наше

Рис К. Ротова

(С крокодил на Нижегородском Автострое)

ФРАНЦУЗСКОЕ С НИЖЕГОРОДСКИМ

СМЕСЬ «французского с нижегородским» всегда считалась признаком дурного тона. Легкий шик с купцовской тяжеловесностью, показная роскошь со скопидомством, европейский лоск в сочетании с невежеством — все это не плохо было высмеяно еще стариком Островским.

Но времена меняются. В наши дни в большом почете новая «смесь» — смесь американского с нижегородским. Например, смесь фордовской техники с большевистским энтузиазмом, смесь конвейера с рабочей инициативой, смесь высокой рационализации с задачами пятилетки. Именно по принципу этой смеси строится и растет Нижегородский автозавод.

Один из семьи 518. Юный первенец автопромышленности, карабкающийся в пеленках лесов строительства, выпрямляет голову и вот-вот закричит во всю глотку сирены:

— Угу-у-у! Родился! Принимай, страна, гигантского младенца!

На новом Автозаводе будет находиться в эксплуатации до 70 тысяч калибров. Конвейерная лента будет журчать, сплошным потоком выбрасывая мощные, советские машины. Станки новейшей конструкции становятся в ряд, сверкая металлическими ребрами. Сложнейшая техника уже сейчас требует образцовых специалистов, высококвалифицированных мастеров — рулевых и вожатых автопромышленности.

С большими надеждами и дружеской теплотой провожали нижегородцы своих инженеров и специалистов за границу. В Америку. На выучку к Форду. Директор тов. Дыбиц долго махал кепкой, провожая уходящий международный вагон.

— Вертайтесь скорее! Время, понимаете, время... не ждет! — долетело вслед.

Уехали. Шли месяцы в напряженном труде. От «иностранцев» вести приходили скупо и редко. Ближайшими «связыстами» между ними и заводом оказывались только жены, приходившие за зарплатой.

Одна из жён, расчувствовавшись, показала даже телеграмму от мужа: «Скоро возвращаемся тч возем автомобили машины цилиндры рейтузы тч целую партию носков».

Радостная весть облетела весь завод.

— Слыхали?! Специалисты-то наши как орудают! Тов. Носков прислал телеграмму. Везут целую партию машин, цилиндров, автомобилей. Будет с чего учиться. Вот только непонятно, что это такое рейтузы. Может, какое-нибудь техническое понятие. Может, станки какие!

— Приедут, — все узнаем!

День возвращения приближался. «Фордовских учеников» торжественно встречали на вокзале. Вслед за радостными объятиями и дружескими приветствиями нижегородцы хитро подмигнули и тепло напомнили:

— Ну, хвалитесь, с чем приехали.

— О, покупок масса! Вон наш автомобиль выкатывают, — видали?

Щегольский «форд» уставился глазами прожекторов на публику. Кто-то открыл крышку, полез в радиатор.

— Ну, ну, поосторожнее! Не лезь лапами в чужую машину!

— П-почему в чужую? Ведь она... наша?

— Не наша, а моя. Собственная машина, понимаешь?

Встречающие недоуменно отступили.

— Ну, а машины, цилиндры где?

— Машину достал инженер Рвачевский. Пишущая машинка. Чудесная машинка! И совсем за бесценок.

— Позвольте? Кто же тут авел нас в заблуждение? Чья это телеграмма? — тревожно спросили хозяйственники.

— Моя! — отозвался один из «иностранцев». — А частных телеграмм читать не рекомендуется. Видите, тут интимные вещи — о рейтузах, о партии носков. Я бы вам не советовал вмешиваться в личную жизнь. Это не по-европейски! — фыркнул он и негодующе одел цилиндр.

Так кончился визит «наших в Европу». В заботах о французских вещичках некоторые инженеры, просидевшие по целому году за границей, не догадались привезти ни чертежей, ни пособий, ни новейшего опыта автостроения. Даже те скудные материалы, которые у них оказались, не стали достоянием рабочей общности. Они зажаты в письменных столах, в кабинетах, скрыты в тайниках «секретов». Обо всем этом с горестью докладывал на-днях тов. Дыбиц на совещании инженерно-технических работников. Американскую технику эти специалисты подменили дешевым французским шиком. Получилась самая плохая и отвратительная смесь «французского с нижегородским». Признак очень дурного тона!

ФАКТ, НЕ ПОДДАЮЩИЙСЯ ОПИСАНИЮ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — не дикарская Азия,

Растет он, сверкая, искрясь и горя. Так где мне набраться такой фантазии, Чтоб описать теперь... дикаря?

Пойду ли тропую в сибирские чащи я,

Огнями встает на пути Кузнецкстрой.

Культура путевку взяла в настоящее,

Страну перекроив на новый покрой.

Пойду ли в болото в завьюженном танце я,

Где черти водились стадами встарь, —

Встает на пути моем электростанция,

И невозможен для встречи дикарь.

Идут, уставая и падая в усталой,

На Нижегородский автозавод...

Иду и заранее

Явно чувствую.

Что неудача

и здесь меня ждет.

Дикарь у станка!

Невозможно! Немыслимо!

То призрак, навесный бредом снов.

Вдруг вижу, всмотревшись пылливо и пристально, —

Стоит предо мною дикарь Свистунов.

Ос...остановился на полуслове я.

Вот он, убогий, дикарский быт!

Не человек,

А одна зоология!

Взглянул невольно: нет ли копыт?

Мы же, конечно, не дикая Азия.

Не поднимается даже рука,

Чтоб написать о таком безобразии,

Как... испражнение у станка!

Гул возмущенья несется по цеху,

У Свистунова — улыбки ширь:

— Это ж я, граждане, просто для смеху...

Ну, для отвода, что ли... души.

Не веселит меня этот смех никак!

Вырос в проблему ничтожный факт:

— Как тут связать превосходную технику

И первобытно-дикарский акт?

П. Майский.

П. Вятч.

КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

МЫ, КРОКОДИЛ, — Первый и Единственный, бич оппортунистов, враг головопатов, бюрократов и волокитчиков, гроза почтовиков, не видящих дальше своего носа и срывающих связь с индустриальными гигантами, гонитель рвачей, прогульчиков, лодырей и прочая и прочая всемиловитейше повелеваем: наградить орденом нашим 1-й степени Сталинградский почтамт.

и прочая и прочая всемиловитейше повелеваем: наградить орденом нашим 1-й степени Сталинградский почтамт.

ОСНОВАНИЕ: Центральный комитет союза автотракторной промышленности послал из Москвы в адрес завкома Сталинградского завода заказное письмо с совершенно точным и полным указанием адреса, доказательством чему может служить конверт, находящийся у меня. Пройдя заколдованный круг почтовых мытарств, означенное письмо вернулось из Сталинграда обратно с двумя резолюциями. Первая: «Адрес не разыскан». Подпись неразборчива. Вторая: «С.Т.Э. нет». Загорючка подписи.

«Крокодил» справедливо полагает, что в то время как весь мир знает о Сталинградском гиганте, Сталинградский почтамт не разыскал его исключительно ради того, чтобы заслужить наше высокое награждение. Доводя об этом до сведения Наркомпочтеля, а равно и всех читателей и почитателей наших, — просим их отметить награжденный почтамт заслуженными поздравлениями и пожеланиями в самых прочувствованных выражениях. Адрес: Сталинград. Почтамту.

На подлинном вилами нацарапано: «КРОКОДИЛ». **Примечание к рескрипту:** Ох, боюсь я, товарищи! Вернутся ваши письма обратно с ответом: «Сталинградского почтамта нет. Адрес не разыскан».

ДА ЗНАЙ ЖЕ МЕРУ!

В номере «Вечерней Москвы» от 12 октября в заметке «Город стандартных домиков» за подписью И. Свистунова есть небезынтересное сообщение о строительстве студенческого поселка в Останкине:

«Построены специальные здания для столовой, бани, прачечной, клуба и т. д. Дома построены по шведской системе щитовых сооружений».

Студенты, живущие в этом поселке, обращаются к «Крокодилу» с просьбой указать им, где же именно находятся эти последние достижения цивилизации и культуры, так как до сих пор их нет и в помине.

Охотно разъясняем: в заметке есть досадная ошибка. Не по шведской системе построены эти дома а по системе т. Свистунова. Это — усовершенствованная система высасывания из пальца. Вполне стандартное строительство.

ИЗВОЗЧИК ДОВЕЗЕТ

В номере «Комсомольской правды» от 11 октября помещен рисунок художника Васильева, под которым подписано:

«Из Вятки самовольно уплыла в Краснококшайск на реку Ветлугу два необходимых для сплава парохода».

Очень нехорошо, что уплыли пароходы, но уплыла из подлинной и элементарной географической грамотности: Краснококшайска у нас нет, а есть город Ийошкар-Ола. Кроме того, в бывшем Краснококшайске, теперь Ийошкар-Ола, никогда не было реки Ветлуги.

Простакова находила излишним для дворян знание географии: «извозчик довезет».

Но советским художникам и редакторам полос не мешает знать советскую географию.

ЗАКОННЫЙ ВОПРОС

Газета «Красный Октябрь» сталелитейного завода «Красный Октябрь» (Сталинград) в № 110 пишет:

«Дело с социальным соревнованием обстоит тоже очень скверно. Из 10 тысяч рабочих всего ударничеством охвачено 471, ударная бригада о числом в 5.824 человека, в закреплено всего по заводу 4.345 человек, т.-е. 48 проц. Это говорит за то, что состояние дисциплины на заводе находится в плачевном состоянии».

Если там ударничество и соревнование проводятся в порядке дисциплины, то состояние, конечно, плачевное. Но не в лучшем состоянии был и автор, когда писал эту заметку. Это говорят за то...

ВИЛЫ В БЛОК

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Не всем же изобретать машины. Вон тов. Поляк, представитель Кожпрома Сев.-кав. края, обмозговал средство по борьбе с прогульщиками. Лекцию на эту тему прочитал на перевыборах ФЗК Госкожзавода № 2, в г. Темрюке. Вот его изобретение: заставить прогульщика у черной кассы протанцовать фокстрот, сплясать казачка, вырыть могилу, сделать из палочек крест, гроб и т. п.

Как жалко, что мало изобретательств придумал тов. Поляк и этим угробил свое ценное изобретение.

А может быть, вы на практике испытали вашу теорию? Если да, то сообщите, какие она дала результаты. Тогда вышлем орден... крокодилийский... Таланты мы поощряем.

ОСТАНОВИТЕСЬ, БЕЗУМЦЫ!

Далькрайсоюз (Хабаровск) заслал в Никольск-Уссурийский спичек на 120 тысяч рублей и шелковых гапстук для рабочих в рисовых совхозах на 11 тысяч рублей. По подсчетам спичек хватит

при дьявольском спросе со стороны всех живущих в городе, включая и грудных детишек, минимум на 2 года, а гапстук — на 1.000 лет.

Товар как будто бы светлый, а почему его шлют в таком космическом количестве, — дело темное.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ

Председатель Новопашинского сельпо Савин составил план сдачи маслосемян по твердому заданию кулацко-зачиточной части. В плане, между прочим, значится сдача кулаками около 65 килограммов конопляного семени.

65 килограммов — шутка ли сказать! Савин не уверен в выполнении столь «тяжелого» задания, а потому рекомендует развернуть между сдатчиками соревнование (?). Выполнявших задание кулаков Савин любезно обещает премировать дефицитными товарами.

Видать, что Савин в бога верует, хотя он и коммунист. Христианский коммунист. И не с его мягким характером давать твердые задания кулакам.

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
В СССР ЖУРНАЛ САТИРЫ
И ЮМОРА

ШЕФ МАГНИТОСТРОЯ И БУМАЖНО
Ф-КИ „СОКОЛ“.

КРОКОДИЛ

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОДПИСКУ
НА НОВЫЙ 1932 ГОД
ОТКРЫТОЙ

и предупреждает всех своих читателей и почитателей, что в связи с большим ростом требований на журнал В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ БУДУТ УДОВЛЕТВОРЯТЬСЯ ТОЛЬКО ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА.

В виду имеющихся жалоб на неаккуратную доставку журнала редакция организует СПЕЦИАЛЬНЫЙ СМОТР ДОСТАВКИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА — 50 коп. в месяц. На 3 месяца 1 р. 50 коп. на 6 месяцев 3 руб., на год 6 руб.

Цена отдельного номера 20 копеек.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоводцев.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 8. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, и 30 числа каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 50 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Манундский, Л. Митницкий, В. Филов.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

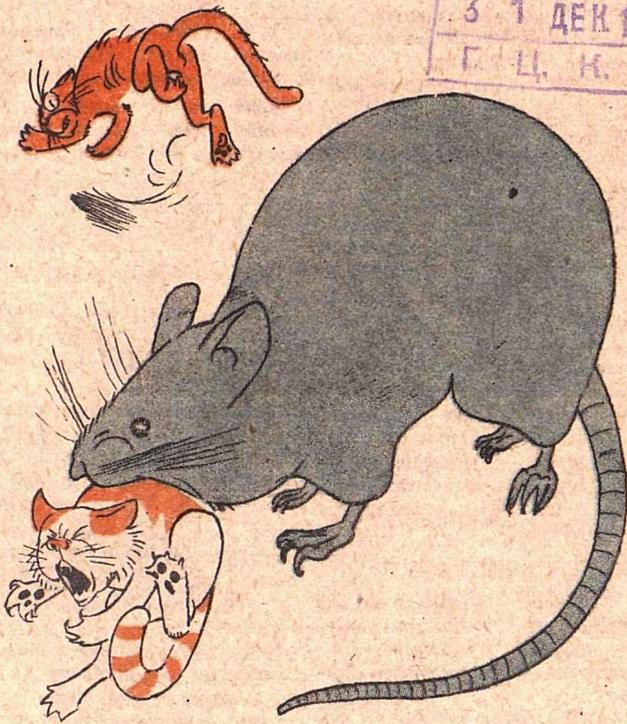
Ответственный редактор: М. Манундский.

Москва. Изд. № 16113. Сдача текста и рисунков — 20/ХІ. Подпись к печати — 7/ХІІ. Статформат А4—210×297. Печатных листов 2. Количество знаков 65 000. Уполномоченный Главлита № В—15400. Тип. „Рабочей газеты“, Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 1843. Тираж 350.000 экз.

К. Ротов

57380

Некоторые совхозы и колхозы глумятся от государства тысячи тонн хлеба, списывая на корм домашним животным и птице.

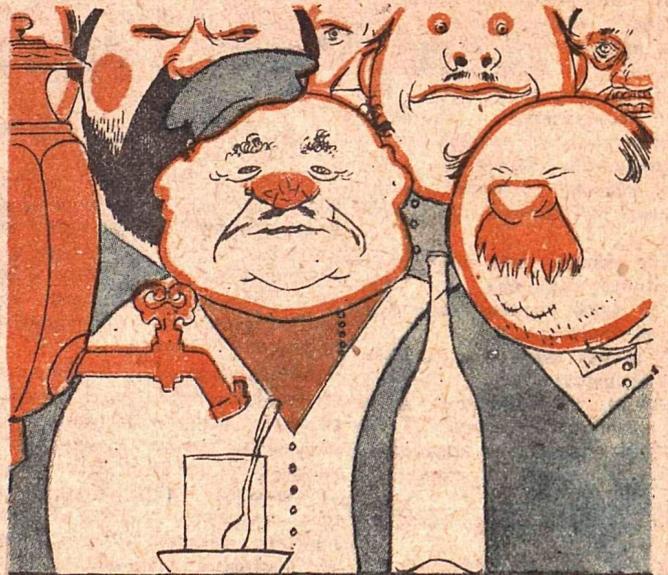
Если бы обыкновенная мышь съела все, что для нее выписала заботливая администрация, она бы одним ударом лапы расправилась с матерым сибирским котом...

Откормленная по той же системе курица, со своим выводком, попав в Москву, наделала бы немало хлопот автомобилистам и милиции.

Смирный домашний кот Васька, откормленный таким образом обратил бы в паническое бегство стадо диких индийских слонов.

Что касается головяпов - администраторов, то они, выписав на себя такую норму - пухли бы, пухли и приобрели бы примерно вот такой вид..